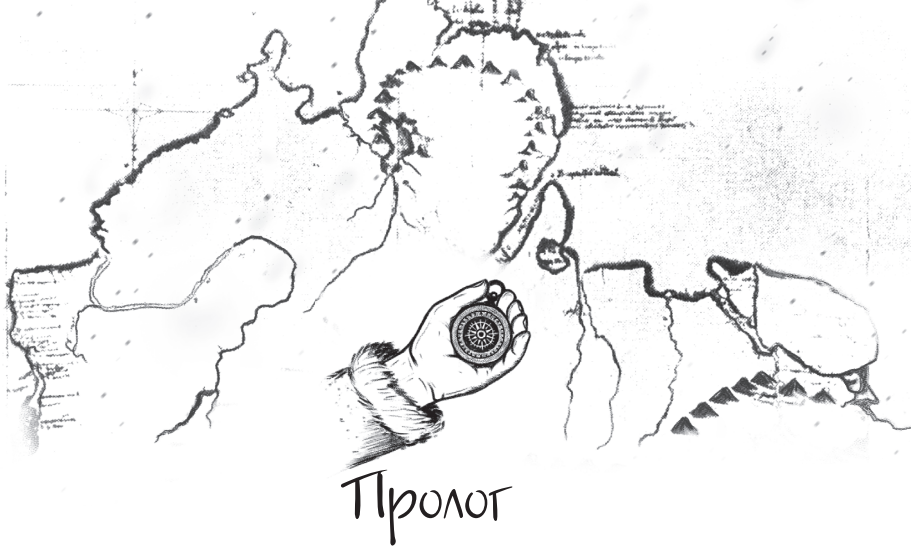

Отглавление

Пролог	3
Глава 1. Привет, ковер!	10
Глава 2. Шиза	20
Глава 3. Привет, буфет!	28
Глава 4. Девчонка	37
Глава 5. Без подсказок	45
Глава 6. Потерянные мальчики	55
Глава 7. Прятки	61
Глава 8. Ольга	76
Глава 9. Шиза	83
Глава 10. Кусок жизни, когда все покатилося к известной матери	95
Глава 11. У больших дядек	102
Глава 12. Шиз-Ольга	111
Глава 13. Особенный человек	123
Глава 14. Уходя, гасите всех	129
Глава 15. Типа псих	138
Глава 16. Отец	150
Глава 17. Свиная голова	156
Глава 18. Фокусы	167
Глава 19. Надгробия	179
Глава 20. Выбора нет	191
Глава 21. Поезда-поезда-поезда	203
Глава 22. Гипножаба	217
Глава 23. Подвал	231
Глава 24. Колька	246

Глава 25. Бесы	256
Глава 26. Кони	268
Глава 27. Люди	280
Глава 28. Пересечение	290
Глава 29. Эвакуационный план	301
Глава 30. Хрена с два	311
Глава 31. Машенька	322
Глава 32. Сделка	336
Глава 33. Спокойной ночи, малыши!	349
Глава 34. Дипломатия	360
Глава 35. Душила	370
Глава 36. Рудольф	381
Глава 37. Ня-нгуо	393
Глава 38. Бей первым	404
Глава 39. Шаман	413
Глава 40. Камень	424
Эпилог	440

Пролог

В горы Бырранга не заходили даже нганасаны, а уж они-то до самого побережья Ледовитого океана кочевали — жутко суровый, темный народ, по словам этнографа, путешествующего с экспедицией Верховенского. Напрочь отказались ступить в предгорья, разбили лагерь довольно близко, но все равно на внушительном расстоянии от гор, которые назвали «Страной мертвых».

— Говорят, нельзя туда ходить, — пояснил этнограф, когда Верховенский пытался понять, почему сопровождающие их оленеводы принялись громко возмущаться и размахивать руками. — Живой человек, попавший на эту землю, становится нгуо — что-то вроде бога по-нашему, но не совсем. Там, в вулканах, спит зло.

— В Бырранге нет вулканов, Павел Анатольевич, вы сами это знаете, — отозвался Верховенский раздраженно. — И богов тоже нет. Есть партия, наука, логика и коллективный труд.

— Откуда же здесь тогда столько вулканической породы? Возможно, их еще не открыли.

— Кого, богов-то? Или вулканы? Глупости это все, — усмехнулся он в ответ. Этнограф по-своему прав: Таймыр еще совершенно не изучен, но Верховенский

готов был это исправить. — Таки что, они дальше не идут?

Оленеводы остались позади, а Верховенский с экспедицией двинулись дальше. Стоит признать, что у него эти горы тоже вызвали не самое приятное впечатление — они были черные, как грязь по весне, громоздкие, тяжелые. Гнетущие. Но год назад в них обнаружили следы полезных ископаемых, и перед Верховенским стояла задача определить, насколько труднодоступными будут разработки. Возможно, им удастся стереть еще одно белое пятно на карте молодой страны. Однако земли ожидаемо оказались суровыми и неприветливыми, а потому никаких особенных результатов от изучения он не ждал, воспринимал экспедицию скорее как интереснейшее путешествие, уже обогатившее его материалами для книги по геологии. Вклад в развитие науки внести можно разными способами, и лучше всего Верховенский работал не в шахте, а с расчетами и таблицами. Поэтому не гнал рабочих и сам энтузиазмом не блистал, к тому же позади остались нескончаемые километры голой промерзлой земли и тишины — их пришлось бы пройти еще раз, а Верховенский устал от дороги. От крикливых аборигенов, от оленей, от запаха запрелого пота, от сухарей. От всего устал.

Зоолог и этнограф, довольно молодые и все еще окрыленные прошлогодними героическими перелетами экипажа Чкалова, готовые к труду и обороне «стакхановцы», тем временем перли впереди всей колонны на чистейшем энтузиазме и вере в светлое будущее. А Верховенский, пусть и не менее гордый за родину, свое будущее почти уже обрел и безумно соскучился по дочери Ольге, которая осталась в Сталинграде совсем одна и месяцами ждала его из поездок. И как же все получалось удивительно несправедливо: от чахотки

умерла его жена почти двенадцать лет назад, а теперь Верховенский боялся однажды не застать и дочь — из-за той же напасти или любой другой. В пути он проводил несправедливо много времени, а Ольга уже расцвела и жила полной жизнью, в которой ему места оставалось все меньше. Но, оттого что дома его ждали, все равно делалось тепло на душе, когда Верховенский думал о ней в который раз, стоя с железной кружкой сладкой горячей воды, только что с чайника на костре (чай закончился на прошлой неделе), и смотрел на туман в низине. От мыслей о дочери отвлек подбежавший рабочий.

— Там его... — Мужик, красный от бега, жадно хватал ртом воздух. — Мы чуть тово... А потом все как обвалилось, и проход открылся, Митька полез посмотреть, а там...

— Ну?

— Девка мертвая! Коса черная, вот такая, до пяток! Лежит в тряпках, голова на бубне, а в руках что-то держит, мы руки не можем поднять!

В пещере действительно лежала, почти как живая, — если бы не проглядывала натянутая, местами лопнувшая кожа, — девушка в расшитых узорами многослойных одеждах. У Верховенского внутри все замерло от восторга — вот так находка, вся культурная общность будет о нем говорить теперь с большим уважением, а если он еще привезет шаманку (а это точно шаманка, судя по одежде и ритуальным предметам вокруг), то станет сенсацией на долгие годы. Этнограф его радостей не разделял, считая, что шаманку трогать нельзя, как и не трогали ее нганасаны, но Верховенский убедил его, что захоронение необходимо изучить — среди предметов могут оказаться шкуры с картами, минералы и еще какие-нибудь важные образцы.

Руки шаманки все же удалось, хоть и не сразу, отнять от груди и развернуть найденный под ними почти истлевший кусок материи, в которой обнаружился черный камень с детский кулачок величиной. Рабочие, ожидавшие увидеть золото или «каменья», плевались, а Верховенский, перерыв все имеющиеся с собой записи, решил, что находка — редкий пластинчатый железняк с неровными изломами. В тот же вечер, рассматривая острые грани, он случайно порезал палец об одну, но не придавал этому особого значения. Разве что на секунду ему показалось, будто к порезу приложили раскаленный металл.

Шаманка пролежала в пещере еще месяц, пока велась работа, и все это время Верховенский почти не спал и постоянно пропадал вместе с мужиками — он был уверен, что они вот-вот найдут золото. Он чувствовал, что оно тут есть, — словно звало глубоко из-под земли, хотело, чтобы его нашли. Из низины стал валить дым, будто горы проснулись, — это были уже известные на момент приезда экспедиции «горящие угли»: здесь постоянно случалось спонтанное самовозгорание залежей угля. И хотя Верховенский простым языком пояснил мужикам, что это естественный процесс, те продолжали перешептываться между собой по вечерам. Дым для них являлся недобрым знаком.

В горах экспедиция пробыла еще две недели, но безрезультатно, если не считать результатом подробный отчет Верховенского о работах и того, что он составил карту местности, где отметил залежи. Когда он объявил, что работы скоро будут окончены, все вздохнули с облегчением. Накануне же выяснилось, что шаманка бесследно исчезла. С ее пропажей этнограф, вечно зудевший над ухом, словно тоже успокоился и, пропадая в своей палатке, целыми днями что-то строчил. Мужики же утверждали, что мумию похитили

идолопоклонники-оленеводы, чтобы захоронить подальше от «белого человека», но Верховенский был уверен, что сами мужики и спрятали тело — наслушались рассказней о проклятиях и испугались, что если шаманку вынести из могилы, то она нашьлет на всех смерть.

— Так а это... самое... — Митька, ответственный за работу в шахте, мял в руках снятую с лохматой головы шапку. — Чукчи — хоть и чукчи, мясо сырое жрут, а не совсем дураки, ни один еще в горы не пошел.

— Как не пошел? — Верховенский не скрывал скептицизма. — Кто ее тогда здесь похоронил?

Митька открыл рот, почесал подбородок:

— Так сама и померла. Пришла и померла. Как еще-то? Шаманов так не хоронят, сами же слушали Пал Анатолича, это вроде тово, ну... Не по-ихнему. А она сюда, выходит по всему, сама пришла. Зачем, спрашивается? Отчего померла? Загадка. А еще девок-шаманов нету у них, а она — точно шаманка, Пал Анатолич сказал, мож, принцесса какая ихняя, особенная. Мы покумекали с мужиками — дальше взрывать точно нельзя, — наконец озвучил он свою основную мысль. — Ежели вглубь, то там мерзлота, а ежели вбок — то там карман, вы сами сказали, а ежели газ, а еще девка эта, она ж перед ним прямо лежала...

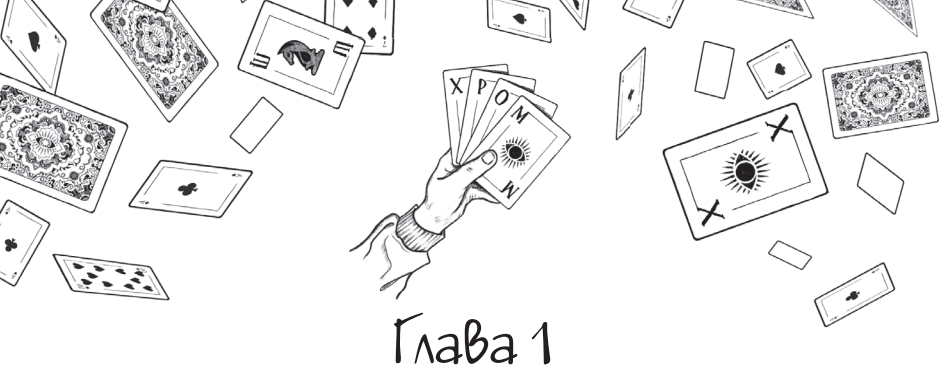
— Вы что мне тут, никак диверсию устроить решили, товарищи? — яростно сверкнув глазами, прогремел Верховенский. В последние дни он все чаще срывался на крик. — Не хотите мои решения добровольно исполнять, так пусть партия на вас найдет управу. До Норильлага здесь рукой подать! Взрывайте дальше!

История с шаманкой приелась ему хуже редьки. Еще больше — ощущение сосущей пустоты в груди, словно нечто желаемое было рядом, но он не мог до

него добраться. Это что-то — золото, разумеется, — лежало прямо под землей, по которой они ходили, но все попытки к нему добраться были тщетны. Из-за этой пустоты, из-за неумемной жажды насыщения Верховенский продолжал отдавать приказы, вгрызался в камни, хотя знал, что двигаться дальше опасно. Однако, когда половину рабочих завалило при взрыве газа и спасти из них удалось лишь нескольких (Митька погиб там же), ему пришлось дать распоряжение сниматься с места работ и возвращаться, хотя жажда неизведанного только усилилась. Он знал, что был совсем близко, но дал себе и тому золоту слово, что подготовится лучше, наймет больше рабочих и обязательно вернется.

Камень, отнятый у шаманки, он положил в заранее купленную у торгашей на перевале круглую костяную шкатулку — будет подарок Ольге, у нее целая коллекция привезенных им камней. Уже сидя в оленьей упряжке, Верховенский бездумно гладил пальцами шкатулку, спрятанную за пазуху, и смотрел, как за горами поднимается едва различимый дымок.

Глава 1

ПРИВЕТ, КОВЕР!

Снег под ногами хрустел необычно, как сочная, свежая морковка. Хрум-хрум-хрум. Хром пробирался к дому сквозь сугробы, ежился от дубака за шиворотом и мысленно матерился на этот звук. Высадили его аж за километр даже не из-за заносов, а потому, что ленивый водила на своей умирающей «Нексии» отказался в гору ехать. И теперь Хром в нее перся по непротоптанному белому полотну сам. Нет, не морковка — похоже, будто кому-то методично ломают кости, одну за одной: хрум-хрум-хрум. Он остановился, сделал шаг на пробу. «Хром, — сказал снег. — Хром-хром».

— Да твою ж, сука, снег.

Хром достал последнюю сигарету, чиркнул зажигалкой, затянулся. Зря он вообще поменялся сменами с Богданом: у того повод, конечно, но сам Хром теперь едва на ногах стоял, провалявшись весь свой отсыпной с легкой температурой, и вот снова суточный наряд. Богдаша обещал за это два дневных оклада с отработкой, и Хром поддался. Ну а как не помочь человеку, у которого жена родила аккурат на смену новоиспеченного бати? Повод. Богдан еще обещал сына Василием назвать, походу, не всерьез, но Хрому и в качестве шутки это пришлось по душе, хотя улыбался он редко, так уж с детства повелось. Слишком добрый, и мать за это всегда ругала, и сам вот себя теперь,